

Этнокультурная история казаков

Часть III. Славянская надстройка. Книга 4

Александр Дзиковицкий

**Этнокультурная история
казаков. Часть III. Славянская
надстройка. Книга 4**

«Издательские решения»

Дзиковицкий А. В.

Этнокультурная история казаков. Часть III. Славянская надстройка.
Книга 4 / А. В. Дзиковицкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831468-1

Четвёртая книга «Этнокультурной истории казаков» включает в себя завершение III части работы и относится к тому же периоду «славянской надстройки» в «казацком этническом доме». Однако этот период, в отличие от предыдущего, характеризуется уже не свободным, а подневольным существованием казаков под скипетром российских монархов. Его начало — царствование Петра I, а конец — падение монархии в России. После чего начался ещё более трагичный период — разрушение «казацкого дома»...

ISBN 978-5-44-831468-1

© Дзиковицкий А. В.
© Издательские решения

Содержание

Часть III	6
Глава 9. «Царское рассказывание»	7
I. Ненавистник казачества на царском троне	7
II. Гетманщина	20
III. Казаки Сибири	21
Глава 10. Восстание атамана Булавина	24
I. Расправа с Доном	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Этнокультурная история казаков

Часть III. Славянская надстройка. Книга 4

Составитель Александр Витальевич Дзиковицкий

ISBN 978-5-4483-1468-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОСТАВИТЕЛЬ А. В. ДЗИКОВИЦКИЙ

Часть III
Славянская надстройка
(период подневольного или имперского казачества)
издание 2-е, исправленное и дополненное

Глава 9. «Царское рассказывание» (сентябрь 1689 – октябрь 1706 гг.)

*Мне не надо твоего ни злата, ни серебра,
Не руби-ко ты да наши головы,
Ты не брей-ко, не брей наши бороды*
Старинная казацкая песня
«Поединок казака с турком при Петре I»

I. Ненавистник казачества на царском троне

Русский поэт Максимилиан Волошин называл императора Петра I «первым большевиком на троне». Характеристика хотя и образная, но исключительно точная. Стольник Пётр Хованский, как говорится, буквально в воду глядел, с воцарением в 1689 году на престоле Московии царя Петра I, впоследствии первого императора Всероссийского, «правда» казаков очень надолго, пожалуй, даже навсегда, разошлась с «правдой» новой империи.

Интересно, а был ли сам царь Пётр настоящим русским царём? Уж очень он ненавидел всё русское и очень уж любил всё заграничное... Интересно посмотреть, найдётся ли что-то об этом в документах XVII века? Да! Оказывается, именно это утверждали стрельцы, восставшие вскоре после возвращения Петра из длительной заграничной поездки. Напомним, что ранее стрельцы составляли надёжную царскую гвардию, были приближены к царскому двору. Отборные части стрельцов несли службу в столице и в Кремле. И вот, после возвращения Петра среди стрельцов начались волнения. Историк Р. Масси, собравший много документов по эпохе Петра, автор двухтомника «Пётр Великий», сообщает: «К тому же поговаривали, что Пётр вконец онемечился, отрёкся от православной веры, а может, и умер. Стрельцы возбуждённо обсуждали всё это между собой, и их личные обиды вырастали в общее недовольство политикой Петра: отечество и веру губят враги, а царь уже вовсе не царь! Настоящему царю следовало восседать на троне в Кремле... А этот верзила целыми ночами орал и пил с плотниками и иностранцами в Немецкой слободе, на торжественных процессиях плёлся в хвосте у чужаков, которых понаделал генералами и адмиралами. Нет, он не мог быть настоящим царём! Если он и вправду сын Алексея, в чём многие сомневались, значит, его околдовали, и припадки падучей доказывали, что он – дьявольское отродье. Когда всё это перебродило в их сознании, стрельцы поняли, в чём их долг: сбросить этого подменённого, не настоящего царя и восстановить добрые старые обычаи».

После жестокого подавления восстания стрельцов, на допросах и следствии выяснилось, что стрельцы «собрались сначала разгромить и сжечь Немецкую слободу, перерезать всех её обитателей, а затем вступить в Москву [...] схватить главных царёвых бояр [...]. Затем предполагалось объявить народу, что царь, уехавший за границу по злобному наущению иноземцев, умер на Западе и что до совершеннолетия сына Петра, царевича Алексея, вновь будет призвана на регентство царевна Софья».

Приводя эти показания стрельцов, Р. Масси говорит, что сегодня трудно судить – было ли всё это правдой. Тем не менее, сам факт того, что подобные утверждения громко звучали на Руси в то далёкое время, очень интересен.

Казачья независимость раздражала каждого русского царя, и тем более не мог её переносить такой тиранический император, как Пётр I. Он не признавал никакой добровольности в казачьей помощи, а принимал её, как нечто казаками обязанное.

К концу XVII века приток беглых крестьян из России на Дон, в верхние городки, расположенные по рекам Хопру и Медведице, усилился до того, что это стало беспокоить и Главную Войску, так как с ними в тех местах стало развиваться нежелательное в военном быту земледелие. Ввиду этого в верхние городки была послана в 1690 году от Войскового Круга строгая грамота: «а если станут пахать и того бить до смерти и грабить». Эта мера до некоторой степени сократила прилив земледельческого элемента на Дон, часть беглых возвратилась на свои прежние места. В то же время, на требование Москвы не подговаривать и не принимать в свою среду беглых крестьян Донское Войско, твёрдо держась старых традиций «с реки не выдавать», отвечало или отказом, или уклончиво, что «таковых, де, на Дону не разыскано».

Помимо крестьян московских областей, на Дон в конце XVII и в начале XVIII веков стали усиленно переселяться днепровские черкасы, недовольные порядками на Украине, где во время «Гетманщины» стал выделяться класс старшин, крупных землевладельцев, и прежде свободное реестровое казачество стало обезземеливаться, порабощаться, обращаться в крепостных холопов. В таком положении был Дон при фактическом вступлении в сентябре 1689 года на престол единого самодержца Петра I.

* * *

В конце 1689 года Войско Донское вынуждено было заключить с азаками невыгодный для себя мир, с условием не нападать на казачьи городки и южные пределы России. Азаки были рады этому и втихомолку готовились к новым стычкам. Дав повеление Дону «чинить промыслы над азаками и крымцами», Пётр I, объявивший себя в 1689 году единодержавным государем, деятельно готовился к войне с этими своими врагами. Мир, однако, продолжался до 1691 года. Главные причины заключения такого продолжительного мира были: внутренние неурядицы в Войске, частые ссоры с калмыками, ногайцами и черкесами, которых подстрекали к тому бежавшие с Дону противники Москвы во главе с Лёвкой Маноцким и Петром Мурзёнком. Последний, не добившись в Москве амнистии для старообрядцев, перебрался в числе многих других на Куму. Скоро они нашли могущественного для себя покровителя в лице крымского хана.

Маноцкий и Мурзёнок при помощи хана хотели вернуть Дону его старую казачью волю, его древнюю независимость. Но они не рассчитали, что в Черкасске сидел атаманом хотя и преданный рабски Москве, но испытанный в боях воин, – Фрол Минаев. Он случайно узнал о готовящейся опасности и принял все меры предосторожности. В Москву была послана лёгкая станция просить помощи, а азакам – «размирная».

Весной 1691 года струги казачьи полетели в море громить крымские и ногайские улусы, а конница сухопутьем – под Перекоп. Набег был для донцов удачен. План врагов расстроился. В следующем году 1200 казаков на 76 стругах неожиданно явились под Темрюком и Казылташей, разгромили татарские улусы и освободили многих своих пленных; на возвратном пути приняли бой в Азовском море с сильным турецким флотом, шедшим в Азак, потом разорили предместья Азака и возвратились с добычей и пленными восвояси. В то время, как казачья флотилия громила татарские улусы, азаки промышляли в окрестностях Черкаска и успели угнать часть донских табунов, но, захваченные врасплох казаками Черкасской станции и Манычской, были почти все уничтожены; 60 человек попали в плен. 1693 и 1694 годы прошли в успешных схватках с теми же азаками, калмыками и ногайцами, а также в морских поисках под Темрюк и крымские берега. В 1694 году, возвращаясь на 60 стругах из морского похода, казаки дали в устьях Дона бой сильному турецкому флоту, состоявшему из 30 кораблей и многих мелких судов, отбили 1 корабль и 1 судно, потеряв при этом 20 человек убитыми, и, не имея сил прорваться сквозь эту стену, возвратились в Черкасск через Миус, затопив свои струги в лимане этой реки.

* * *

Стремление казаков овладеть своей древней столицей – Азаком – совпало на сей раз с желанием царя Петра получить для России выход к Азовскому морю. Не дожидаясь окончания постройки нового флота, начатого в Воронеже, Пётр I двинул стотысячную армию под командой боярина Шереметьева рекой Днепром на Крым, а 31-тысячную – под Азак. Войско это собралось в Тамбове, откуда по первому весеннему пути двинулось на реку Хопёр, а потом правой стороной Дона к Черкасску. Войску Донскому предписано было, чтобы все казаки по мере приближения русского передового отряда присоединялись к нему и поступали в распоряжение его начальника, генерала Гордона. К этому походу призваны были также казаки малороссийские, терские и гребенские. Но как ни скрытно происходили эти приготовления, азакцы через враждебного Москве калмыцкого Аюку-тайшу проведали о намерениях царя и приготовились к защите.

Казаки встретили русские войска на своей земле с недоумением и тревогой. Недавнее брожение среди них ещё не улеглось. Подчинение московскому военачальнику, да ещё иностранцу, вызвало среди них волнение. Казаки подумывали даже об измене. В первых числах июня 1695 года (по другим данным – июля) русские войска достигли Черкаска, а 8 числа прибыл и сам царь и приказал двинуть все силы под Азак.

Русская армия состояла большей частью из войск новых, устроенных по иностранному образцу, с командирами-иностранцами, а также из прежних «потешных» Преображенского и Семёновского полков. Царь был среди этих последних в звании «бомбардира» Преображенского полка, под именем Петра Алексеева. Весь отряд, по оригинальнейшему распоряжению, находился под командой «консилии» трёх лиц: Головина, Лефорта и Гордона; их приказания утверждал сам царь. Соперничество и разногласие между этими начальниками, слабая дисциплина и ропот отдельных частей на командиров-иностранцев, неопытность царя в военных вопросах, к тому же не обладавшего никаким военным талантом, а также недостаток в лошадях и съестных припасах не могли сулить благоприятный исход этой кампании. На царя больше всего имел влияния профан в военном деле Лефорт. Инженерными работами руководил Франц Тиммерман, его помощниками были Адам Вейде, Яков Брюс и швейцарец Морло, люди неспособные и не знавшие своего дела. Ошибки их при взрыве подкопов вредили больше русским, чем туркам.

Осада безуспешно тянулась до конца сентября. Царь скоро убедился, что без флота город, имевший свободное сообщение с морем, взять невозможно. Другие причины безуспешности этой осады были следующие: устранение от активных действий донских казаков, знавших осадное дело и военные приёмы турок, неприязненное отношение казаков к походу, предпринятому без их ведома и согласия, а также пренебрежение царя к их лёгкому, но страшному для врагов флоту, при помощи которого они громили в течение веков крымские и турецкие берега и топили большие многопушечные военные турецкие корабли, и, наконец, измена гвардии капитана Якова Янсена, бывшего простого голландского матроса. Неустанные работы царя, собственноручно начинявшего бомбы и гранаты, мало помогли делу.

В конце сентября один полк из отряда Гордона был почти уничтожен татарами, а полковник взят в плен; много людей потонуло при внезапном разливе моря от западного ветра. Хлеба не доставало, даже не было соли. Иностранцы-командиры боялись показаться перед войсками. Турки стали делать смелые и удачные вылазки. Всё это заставило русских снять осаду. Вся тяжёлая артиллерия и порох оставлены были в Черкасске, а войска двинуты обратно в Россию. Флот отведён в Паншинский городок. На обратном пути русская армия почти вся погибла от голода и болезней. На пространстве 800 вёрст валялись трупы людей и лошадей, растерзанные волками.

Однако русские в этом походе имели некоторый успех. Донские казаки, которым была обещана денежная награда, взяли при помощи своего казацкого «розмысла» две каланчи (башни, хорошо оборудованные артиллерией), построенные турками по обоим берегам Дона

выше Азака. В этих каланчах и в новопостроенной крепости Сергиевской, против Азака, царь оставил 3-тысячный гарнизон. На казаков же была возложена обязанность оказывать этому гарнизону помощь в случае нападений неприятеля. Вся тяжесть от мщения сильного и раздражённого врага легла на казаков. Осень и зима прошли в постоянных стычках донцов с азаками, которых Порта старалась всячески усилить.

Земледелие до 1695 года среди донских казаков было под строгим запретом, но теперь было постановлено, что им заниматься можно. И плодородные донские чернозёмы вскоре стали давать обильные урожаи хлебов.

Пётр с торжеством въехал в Москву. Взятию каланчей, получивших название «Новогеоргиевска», и постройке нового укрепления против Азака старались придать признак победы. Пётр решил на будущее в ещё большей степени воспользоваться помощью иностранцев и поддержать действие сухопутных войск военным флотом. Он стал готовиться ко второму походу под Азак и с этой целью просил польского короля выступить против турок, а австрийского императора Леопольда и бранденбургского курфюрста Фридриха прислать ему опытных инженеров и минёров. Даже с Венецианской республикой завёл сношение о присылке к нему на службу корабельщиков.

* * *

В том же 1695 году, когда Пётр I находился за границей, в Москве вспыхнуло стрелецкое восстание, направленное против введения западноевропейских новшеств в жизнь страны, нарушавших древние традиции и порядки, а также против церковных новшеств – никонианства. В Московских стрелецких полках, если читатель помнит, основу в то время составляли донские казаки. Восстание было быстро подавлено, но срочно вернувшийся из заграницы Пётр потребовал нового расследования и подверг стрельцов массовым казням...

К весне 1696 года флот для нового похода на Азак был готов. Адмиралом его был назначен Лефортов, а командование сухопутной армией вручено боярину Шеину. По общему плану Шереметьев вместе с гетманом Мазепой должны были действовать в устьях Днепра, а главные силы идти под Азак. Как Лефортов к должности адмирала, так и Шеин – главнокомандующего были очень мало подготовлены, а потому их роль в этой кампании была незначительна.

Донцы десятилетиями отбивались от турок и татар как могли и почти ежегодно делали налёты на Азак. Их постоянная война прерывалась лишь короткими перемириями во время передачи московско-турецких послов, проходящих через казачью землю. При этом азаки должны были оплатить мир рыболовными принадлежностями, солью, деньгами или возвращением пленников. По миновании надобности наступало «размирье» и тогда снова начиналась напряжённая война. Но все надежды вновь овладеть Азаком и выходами в море казаки уже потеряли. Может быть, поэтому в 1696 году они помогли завоевать его царю Петру I. Какой ни есть, а всё ж хоть по христианской вере родня.

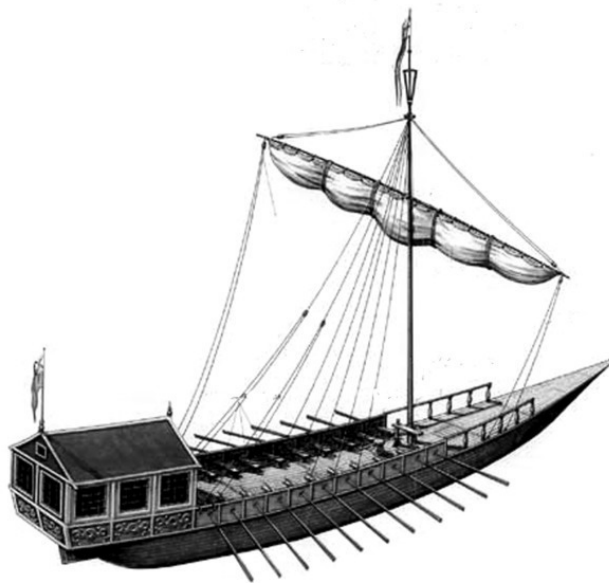
В официальном издании Российской империи «Столетие Военного Министерства» читаем: «До последней четверти XVII века донские казаки были совершенно независимы от Москвы и в отношении Московского и других своих соседей вели свою политику». На карте 1696 года генерал Я. Брюс написал: «Юрты Донских Казаков». Перед началом 2-го азацкого похода Пётр I побывал на Дону, где лично ознакомился с устройством общественной жизни и бытом казаков. Поэтому через 4 года он «отблагодарит» казаков за поход со знанием дела, начав уничтожать их с ликвидации их важнейшего инструмента власти – Кругов.

Дон выставил под Азак 5120 человек. Остальные полки были выдвинуты против враждебных калмыков, ногаев, черкесов и Крыма. Долгое время казачьи лодки не имели пушек, но при Петре I их стали вооружать одним или двумя фальконетами (орудия калибром 45 – 100 миллиметров, из которых стреляли преимущественно ядрами). Известная шаткость и слабое скрепление судов не позволяли вооружать их более тяжёлыми пушками. Нельзя было устанавить и большее количество пушек, поскольку конструкция такого плавсредства не выдержи-

вала сильной пальбы. Пока русская армия и флот были на пути к Черкасску, донские казаки с атаманом Леонтием Поздеевым сделали на своих стругах поиск в Азовское море, схватились с двумя большими турецкими военными кораблями и потопили их вместе с людьми и грузом, не потеряв ни одного своего человека.

Гордон с передовым отрядом пришёл к месту назначения первым. 9 мая прибыл в Черкасск и царь. Петра встретил войсковой атаман Минаев со старшинами и казаками. Потом стали подходить другие части войск. Атаман Поздеев донёс царю, что по его разведкам в Азовском море показались турецкий флот с вспомогательными для Азака войсками и разными снарядами. Пётр приказал не допустить эти суда к Азаку и двинул к Каланчам 2 военных корабля, 23 галеры, 2 галиота и 4 брандера. Оттуда царь хотел проплыть с 16 галерами Кутерминским гирлом в море, но по случаю убыли воды от ветра пройти не смог. Гордон говорит, что Пётр возвратился из этой рекогносцировки грустным и удручённым; что он видел сильный турецкий флот, но не счёл благоразумным напасть на него и повернул обратно.

Но на что не годился русский неуклюжий флот, – говорит историк деяний Петра I, – на то решились «пираты» этой местности – донские казаки. Они на 100 летучих своих стругах притаились в камышах за островом Канаярским и подстерегли приблизившегося врага. Казаки налетели на турецкий флот со всех сторон, потопили и сожгли много судов, схватываясь с ними на abordаж, остальные рассеяли и обратили в бегство. Эта битва стоила туркам очень дорого. Эта первая победа, победа не русского флота, а донских казаков, была торжественно отпразднована. Деньги, сукно и разную мелкую добычу царь пожаловал казакам, а снаряды и оружие велел обратить в казну.

Донской струг времён Азакских походов

19 мая главная русская армия подошла к Черкасску. Боярина Шеина встретил наказный атаман Илья Зерщиков, так как войсковой атаман Минаев с донскими казаками был уже под Азаком. Русские войска двинулись туда же. На помощь им пришли запорожские и малороссийские казаки с наказным гетманом Яковом Лизогубом и часть калмыков, подчинившихся Москве.

28 мая авангард русских войск и донские казаки с атаманом Савиным расположились лагерем близ Азака. Вылазки азаков были казаками отбиты. Шедшие на помощь Азаку кубанские и крымские татары были ими же рассеяны. Русские суда с адмиралом Лефортом стали позади Азака и загородили путь турецкому флоту. Донская флотилия заняла устье Дона. Флот

прикрывали расставленные по берегам реки войска. Чрез Дон была перетянута железная цепь. Таким образом, Азак подвергся полной блокаде. Бомбардировка началась 16 июня и продолжалась беспрерывно до 25-го. 17 июля регулярные войска с 3-х сторон сделали демонстративное нападение на Азак, между тем как с четвёртой донские казаки с войсковым атаманом и малороссийские с Лизогубом пошли на решительный приступ и овладели двумя бастионами и четырьмя пушками. Отчаянные контратаки турок не могли их оттуда вытеснить. Казаки держались твёрдо. 19 числа царь велел готовиться к решительному штурму, но азакский гарнизон, отчаявшись получить откуда-либо помощь, решил сдаться на условия, чтобы ему и всем жителям дан был свободный выход из крепости. Условия были приняты. 20 июля на тех же условиях сдалась небольшая турецкая крепость Лютик, стоявшая на Мёртвом Донце, против Азака. Казаки снимали с турок их платье, одели в серые свитки и отпустили, дав им в сумки столько хлеба, «чтобы степь перейти».

* * *

Со взятием Азака доступ к морю на юге России сделался открытым, а сам город отныне стал называем так, как в Московии его называли издревле – Азовом. Эта была старая мечта донских казаков, неоднократно владевших этим городом и потом отдававших его обратно туркам по повелению московских царей, не желавших войны с сильным врагом. Без помощи казаков поход царя едва ли б увенчался успехом. Казаки полагали, что Азов будет включён в состав территории Войска Донского, но... Пётр ненавидел казачество и отрицательно относился к его самобытности, к его заслугам в минувшие века. Стремление к самовластию царя не могло мириться с вольным духом казачества. Пётр положил основание порта и крепости Троицкой на Таганроге. После этого, оставив в Азове сильный гарнизон с князем Львовым во главе, он с торжеством возвратился в Москву. А все тяготы по защите приобретённой крепости легли на казаков.

Охват земель Войска Донского цепью городков-крепостей, как мы помним, начался на рубеже XVII века. Впоследствии строительством крепостей Московия приобрела возможность контролировать, а подчас и пресекать контакты между Доном и Запорожской Сечью. Последним звеном в долгой цепи крепостного строительства, которой, как кольцом, окружили донскую часть земель Присуда Казацкого, теперь стала крепость Азов. По мнению большинства историков, взятие Азова открыло новую эпоху в отношениях российского государства и народа казаков – эпоху полного подчинения казацких земель юрисдикции империи Романовых. Занимая Азов и дополнительно построив Таганрог, Россия замкнула полное окружение. Одновременно на этих землях был дан старт совершенно новой для Руси-России национальной политике – политике превращения самобытного казацкого народа в так называемое воинское сословие, фактически в военного данника государства, пока, правда, называемого не «сословием» (это произойдёт позже, почти через полтора столетия), а неким «служилым народом».

Донцы за свои подвиги не получили от Москвы ничего, кроме строгих требований «чинить промыслы под ногайские улусы, под Темрюк и оказывать всеми силами помощь Азову, Сергиеву, Каланчам и Лютику». Все следующие годы прошли в жарких битвах казаков с турками и татарами как на море, так и на суше.

Царь ласкал и награждал одного Минаева и близких ему старшин за рабскую преданность. Словом, атаманы Корнила Яковлев и Фрол Минаев продали Дон Москве, продали все старые казачьи вольности. Донским Войском стала управлять кучка преданных Москве старшин во главе с войсковым атаманом. Их поддерживали 11 черкасских станиц и низовые городки, а также постоянно пребывавший в Черкасске гарнизон от 2 до 5 тысяч человек. Мало считавшийся со средствами и деятельный царь Пётр I постановил закончить покорение Дона.

* * *

Стала проявляться централизация власти в Черкасске, называвшаяся Главной Войской. Выдача царского жалованья стала производиться «по заслугам». Ближе стоявшие к власти

и проявившие больше преданности, оценивались выше других, удалённых, живших в городках, выше по Дону лежащих. Верховцы всегда считались неблагонадёжными, «смутьянами», «ворами». Они жили своей самостоятельной жизнью и на централизацию власти в Черкасске, часто сообщавшейся с Москвой, смотрели с подозрением. На походы Петра, а в особенности на приказы его подчиняться командирам-иностранцам они отвечали скрытым ропотом, таким, после которого казак берётся за саблю. Ропот этот ещё усиливало сознание, что тысячи их братьев «по милости» Москвы скитались по Куме и Кубани – старые донские казаки, преданные казачьей идее, своему народу, ставшие за вольные казачьи права и за старую казачью веру, в которой они родились, крестились и выросли. Приказывать молиться за неведомого им патриарха и московского царя – явления на Дону до того времени небывалые, недалёковидные, чисто «московские». Звание казачьего старшины на Дону было пожизненным, без права передачи его потомству. Войсковой Круг, возводя в это звание за личные заслуги, имел право и лишать его за дурное поведение и преступления против войска. Однако теперь стали встречаться случаи, когда старшинское звание давалось некоторым лицам по протекции, без всяких заслуг перед Войском. Такой порядок при старом всенародном Круге был нетерпим, но теперь стал чуть ли не нормой. Казаки, всегда не любившие московские порядки, ханжество и лицемерие бояр, из казачьей гордости не хотели подчиняться приказам Москвы, и те, кто не ушли на Куму, заняли выжидательное положение.

* * *

В числе последних знаменитых казаков-«охотников» почитался донской атаман Иван Матвеевич Краснощёков (около 1672 – убит на войне в 1742), наводивший страх и ужас на Кубани. Черкесы прозвали его Аксак, что значит «Хромой» – от прострела ноги пулей Краснощёков хромал. Существует легенда о поединке охотника Краснощёкова и горского джигита Овчара, который тоже любил «охотиться». Богатыри знали друг друга по молве, а потому желали встретиться и встретились. Краснощёков узнал противника по осанке молодецкой и начал осторожно подбираться к нему, чтобы не упустить «ясного сокола». Близ берега реки, над обрывом, у опушки леса, облокотясь и положив буйную голову на левую руку, распростёршись ниц, лежал Овчар перед огоньком. На вид казалось, что он не слышит свиста бури и, греясь у костра, не чувствует холода и ненастья. Горский рыцарь был не новичок в своём ремесле, поэтому он почуял зверя издали, но с места не тронулся. Лежал и смотрел на огонек будто, а на самом деле вкось всё видел и не торопился. Он выжидал, чтобы даром своей винтовки не марать. Краснощёкову предстояло решить трудную, опасную задачу. У него имелось только короткое ружьё, а у врага било далеко. Ему податься назад было бы стыдно, да и удалому казаку это не по нраву. Он подумал, оглянулся и смекнул, как добиться своего. Пригнулся и пополз по густой траве, всё тишком и молчком. Так он приблизился на расстояние своего выстрела. И тут, прикинув к земле, едва успев выставить на посошке в стороне от себя свою шапochку-трухменку (видимо, имевшую складки, что позволяло изменять её форму), как свистнула пуля и пронзила её насквозь. Тогда Аксак встал, подошёл к Овчару и в упор из ружья убил его наповал. Оружие джигита и резвый аргамак (порода этого жеребца долгие годы сохранялась в табунах знатоков под названием овчарской) достались Краснощёкову.

* * *

Османы были обескуражены взятием русскими Азова. Уже в следующем 1697 году в феврале большая армия их вместе с крымцами, ногайцами и горцами стала формироваться на Таманском полуострове для нападения на Дон. Казаки дали знать о том в Москву. Атаман Минаев, ехавший со станицей «за царскими подарками», должен был из Воронежа возвратиться назад.

В мае турецкий флот показался в Азовском море, но был в морском бою частью потоплен, частью разбит казаками. В июле турецкая армия подошла к Азову, но благодаря подоспевшему русскому отряду казаками, после 11-часовой битвы, была рассеяна по степи. Азов и дру-

гие крепости – спасены. С этого времени казаки разъездами под Крым и на Кубань постоянно тревожили неприятелей и преграждали им все пути к набегам на русские границы. Не раз они делали морские поиски под Темрюк, Казылташ и крымские берега. Так длилось до 1700 года, когда 3 июня Россией был заключён с Турцией 30-летний мир.

Несмотря на огромную помощь, которую русскому престолу оказывали казаки, возглавляемые промосковской партией старшин, царь проводил чётко антиказачью политику. В рамках её в 1700 году вышел указ, запрещающий казакам вести лесозаготовки не только на Дону, но и по крупным притокам этой реки.

Начиналась великая Северная война России со Швецией. Казакам было предписано на всякие обиды от набегов татар не отвечать набегам, а приносить жалобу азовскому коменданту, который обязан был ходатайствовать у ачуевского паши о возвращении награбленного. Этот приказ поставил казаков в недоумение. Не иметь права мстить за частые набеги и грабежи татар на южные их границы от Цимлянкой и Камышинской станиц до Пятиизбянской и Паншинского городка, где стоял русский флот, бывший под Азовом, – это было сверх сил гордых донцов. Кроме того, грамотой от 22 июля 1700 года, адресованной «на Дон, в нижние и верхние юрты атаманом и казаком, войсковому атаману Илье Григорьеву и всему Войску Донскому», царь приказывал свести тем же летом верховых казаков, живших по Хопру, Медведице и по другим рекам, «и поселить их по двум азовским дорогам, одних до Валуйки, а других от Рыбного к Азову, по урочищам и речкам: Кундрючке, Лихой, Северскому Донцу, Каменке, Белой и Чёрной Калитвам, Берёзовой, Тихой и Грязной».

Этот приказ поставил Главную Войску в тупик. Разорённые в 1688 году по приказанию царей казачьи городки по Медведице вновь были густо заселены выходцами из низовых станиц, противниками сближения с Москвой. Также много возникло городков по Хопру, Бузулуку и другим соседним речкам. Насильственное переселение части казачества по приказанию царя могло вызвать в открытое возмущение. Царь же даже угрожал Войску: «А буде вы, атаманы и казаки, нынешнего лета с Хопра и с Медведицы казаков на вышеописанные две дороги в назначенные урочища не сведёте и не поселите, то по нашему, великого государя, указу те хопёрские и медведицкие казаки поселены будут в иных местах». Войску пришлось подчиниться и часть верховых казаков была сведена на указанные царём речки.

Уже вовсю шла война со шведами и после разгрома под Нарвой Пётр I вспомнил о старых опытных воинах – казаках. Пётр начал перебрасывать их теперь против своего северного противника. В 1701 году на Дону был сформирован первый конный полк, до этого у донцов полковых структур не существовало. Полк этот насчитывал 430 казаков, возглавил его Максим Фролов, сын атамана Фрола Минаева. Впрочем, донские полки оставались временными, они создавались только на время походов и назывались по фамилиям командиров. Полк Фролова, а потом и другие казачьи части были направлены в Лифляндию, в армию Шереметева, состоявшую из дворянской конницы, татар и калмыков. И именно эти войска принесли первые победы в Северной войне, разгромив корпус Шлиппенбаха при Эресфере и Гуммельсофе. Казаки успешно действовали и в других боях и робости перед шведами не испытывали. Но, возглавляемые «промосковленными» вождями, они не смогли также храбро встать за свои собственные права и интересы на родной земле. В 1696 году донцы помогли царю завоевать Азов, надеясь этим избавиться от мучившей их турецкой вековой занозы. Пётр тотчас переселил туда часть «безработных» служилых казаков. Современник события, историк В. Н. Татищев пишет: «От Симбирска, через Шацкую и Тамбовскую провинции к Дону находилось 15.000 казаков, которые в 1702 году были переведены в Азов, земли же их были розданы знатным господам для заселения».

В 1702 году центральная власть запретила донцам ловить рыбу на Дону близ крепости Азов, на всём протяжении Нижнего и Среднего Дона вплоть до устья реки Северский Донец, а также «на море Азовском и по запольным рекам». Безумие этого указа, грозящего взорвать

Дон буквально во всенародном восстании, вскоре стало ясно даже в Петербурге. Указ был не отменён, а, по российскому обычаю, заболтан – обставлен множеством мелких уступок и послаблений. Но общее давление на донское казачество продолжалось. Тяжкие и импульсивные, подчас кровавые реформы, которые Пётр I обрушил на Россию, вызвали невероятно большой исход великорусского населения на казацкие земли. Как пишет современный историк А. С. Козлов, «В донские степи приходили крестьяне и дворовые люди, посадские жители, солдаты и всякие работные люди из южных городов России. На Дону искали спасение от корабельного строения и рекрутских наборов, от крепостных и городских работ». Этнические казаки на определённом этапе были заинтересованы в этом приходе на Дон новой рабочей силы. «Новопришлые» люди на протяжении семи лет не могли и думать о приобретении прав «старых», то есть этнических, казаков. Они посылались варить соль на казацких солеварнях, косили траву в интересах казацких семей, их принявших, занимались земледелием, работали на пасаках.

Но царь не хотел примириться с повальным бегством из России на Донец и Дон. Он считал беглецов своими подданными и «работными людьми», в которых всегда чувствовался недостаток. К тому же, к казакам уходили многие русские старообрядцы. На Дону видели в них стойкое пополнение и братьев если не по крови, то по старой вере. Царь требовал их возвращения, а Круги не хотели нарушать древнее обыкновение «С Дона выдачи нет!». Постулат казацкой вольницы «С Дона выдачи нет!» был ценен для этнических казаков не только в материальном, но и в определяющей мере в мировоззренческом аспекте, как подтверждение незыблемости казацкого национального суверенитета. Английский дипломат XVII века Чарльз Уитворт в своих воспоминаниях отметил: «Всякий крестьянин или невольник, оказавшийся в стране казаков, получал свободу и не мог быть востребован своим хозяином или правительством московитов».

Эта пропозиция – «Дон, суверенитет, свободная воля – Московия, произвол власти, личная кабала» – определяла сознание этнических казаков на протяжении десятков поколений, поэтому любые попытки российской власти вернуть с Дона «беглых холопей» воспринимались в казацкой среде очень остро.

В 1703 году Пётр I послал на Дон стольников Кологривова и Пушкина с целью приведения в гласность всех казачьих городков, поселённых по рекам Хопру, Бузулуку, Медведице, Донцу с его притоками и Дону до Паншинского, и для высылки из тех городков в прежние места всех людей, с жёнами и детьми, которые пришли туда после 1695 года, с наказанием каждого из них «до одного человека» батогами и отсылкой десятого из этих «новоприходов» в Азов на каторгу. Сюда же были включены и те, которые зашли на Дон хоть и до 1695 года, но не участвовали в походах под Азов. Из тех же казачьих городков, которые заселены по азовским дорогам с 1701 года, выслать всех новопришлых, пришедших туда после этого года. Стольникам приказано отбирать от атаманов и казаков подписки впредь не принимать беглых людей под страхом смерти. Стольники, как в России водится, переусердствовали и стали переписывать и высылать в Россию не только старожилов, но даже родившихся на Дону.

Несмотря на промосковскую Главную Войску, Дон глухо волновался. Это бесцеремонное обращение с донским казачеством и самонадеянность царя заставили задуматься и преданных ему старшин. Спешно снаряжена была в Москву станица с атаманом Абросимом Савельевым, которому поручено было объяснить боярам, что многие русские люди живут на Дону издавна, что они казакам в их домашнем быту необходимы, и если они не участвовали в Азовских походах, то только потому, что оставались в городках для их защиты. Также поручено было разузнать, за что царь вообще гневается на казаков. Пётр I увидел, что зашёл слишком далеко, что обострять отношения с донским казачеством ещё не время, так как казаки ему в затянувшейся войне со Швецией очень нужны, а потому, обласкав станицу и её атамана Савельева, дал на Дон грамоту с уверением, что никакого гнева его на казаков нет, что верховые городки должны

остаться на прежних местах и что перепись людей и городков повелено было произвести только для сведения, сколько их находится на Дону, давно ли они там поселены и нет ли в них пришлых людей. Однако эта царская грамота не удовлетворила донцов, так как одновременно явились многие другие обстоятельства, оттолкнувшие большинство казачества от Москвы.

Обстоятельства же эти были таковы. В 1698 году по царскому повелению были командированы 2 полка казаков в распоряжение князя Долгорукова для охраны крепостей, отнятых у турок со стороны Днепра. Вся тяжесть последовавших битв с турками и крымцами легла на казаков. Привыкшие подчиняться своим выборным атаманам «и думать заодно с ними свою казачью думу», полки эти были страшно недовольны бесцеремонным с ними обращением спесивого московского боярина и роптали.

На Бахмуте с 1701 года пошли стычки донских казаков с Изюмским слободским полком за соляные варницы, издавна принадлежавшие донцам. Дело не раз доходило до кровавых столкновений. Полковник Изюмского полка Шидловский в 1704 году самовольно разорил один казачий город и все соляные варницы, разломал часовню и забрал всю церковную утварь, а потом наложил на бахмутских казаков за соль пошлины. Захват донской общественной собственности – солеварен – резко сократил доходную часть бюджета Войска. Возникли обоюдные жалобы. Но этого показалось мало: царь в 1705 году издал приказ уничтожить все казачьи городки, построенные казаками по правой (крымской) стороне Донца без его указов и после 1695 года, жителей перевести на левую сторону, а новопришлых выслать на прежние места. В своём житейском обиходе казаки стали терпеть разные притеснения от азовского гарнизона, забравшего в свои руки все рыбные ловли в низовьях Дона, в море и по запольным речкам. Появлявшихся там казаков забирали и связанными препровождали в Азов вместе с рыболовной «посудой» для «допроса и розыска». Также на «верхнем изголовье» Мёртвого Донца азовцами была поставлена застава, через которую казакам воспрещено было провозить в крепость Люток хлебные и другие запасы находившимся там их одностаничникам.

Рыбные тони в гирлах Дона захватили самовольно переселившиеся туда из разных монастырей чернецы. Жалобам казаков в Посольский приказ на эти стеснения не было конца. Споры эти разрешены были царской грамотой, данной 26 февраля 1703 года. Казакам «дозволялось» ловить рыбу в Дону и по запольным речкам «про свой обиход» по-прежнему, «оприч тех вод, которыя отведены на прокормление азовским жителям и зимовым солдатам, а именно: что вверх по Дону до устья Мёртвого Донца на 10 верст, да вниз от города Азова до взморья на 4 версты и на 150 сажений, и в те воды и в рыбныя ловли вам, атаманом и казаком, отнюдь не велеть вступаца и рыбы в них не ловить»...

Словом, лучшие и богатые рыбные тони были отобраны у казаков. Казаки призадумались. «Того ли мы заслужили у московского царя?» – и спешно снарядили в Москву лёгкую станицу. 2 мая 1703 года последовала новая царская грамота: «и мы, великий государь, наше царское величество, вас, атаманов и казаков, и всё Войско Донское пожаловали, велели вам в реке Дону и по иным рекам рыбу ловить вопче по прежнему [...] сопча с азовскими жителями, нераздельно, безпорубежно».

Вмешиваясь в донские дела и отнимая у казаков их исконное право по самоуправлению, царь спешно издавал одну грамоту за другой, указ за указом, часто противоречащие одна другой, иногда вопреки желаниям Войска. Так, после азовских походов, видя покорность Аюктайши, много раз до того изменявшего России, царь разрешил с подвластным ему калмыцким народом кочевать по войсковым землям по рекам Хопру, Медведице до Маныча. Это страшно стесняло казаков и вызывало постоянные столкновения с этим полудиким народом, промышлявшим воровством и грабежами. Грамотой 26 февраля 1703 года царь разрешил казакам, построившим городки по реке Бугучару, оставаться там на жительстве и «на иныя места не сходить». Но через год Бугучарский казачий город без ведома Войска майором Шанкеевым,

присланным из Адмиралтейского приказа для сыска беглых, был уничтожен и все жители его высланы в Россию.

Возникали всё новые споры и недоразумения, продолжавшиеся весь XVIII век. Пожаловав Войско Донское такой великой милостью, как свободной ловлей рыбы в Дону, царь в то же время приказал всю сушёную рыбу, какая найдётся на Дону, отписать на него и никому не продавать под страхом смертной казни.

* * *

Антимосковские выступления продолжались на севере Дона и после гибели Разина. Только теперь они вылились в формы сопротивления «никонианским» новшествам. При этом поборникам старого обряда приходилось выдерживать натиск и со стороны низовцев, покорных царским велениям, и со стороны самих русских, не стеснявшихся вторгаться в северные области казачьих владений. Крепким прибежищем старообрядцев на Дону несколько лет оставались городок и монастырь у речки Медведицы. Там собирались наиболее упорные противники Москвы и старожилые и новопришлые. Московиты разрушили этот оплот «древлего благочестия» в 1689 году и тогда остатки непримиримых ушли за турецкую границу на Северный Кавказ. Сначала они обосновались на реке Аграхань, а в 1703 году, с разрешения султана, перешли на правый берег Нижней Кубани. Там от Лабы до Азовского моря они и основали несколько поселений и с этого времени стали именоваться кубанскими казаками. Прозвищем «кубанские казаки» именовались вообще все обосновавшиеся за турецкой границей на Кубани сторонники Степана Разина. Кроме старой веры, они унесли с собой разинский дух вражды к Москве и её донским сторонникам.

Положение было нестабильным не только на Дону. Мнение о «подмене царя» на русском троне оказалось довольно устойчивым. В 1705 году из-за злоупотреблений царских чиновников взбунтовались башкиры. В том же году в Астраханском крае началось восстание. Кроме общего недовольства прозападными реформами Петра, «слухи подливали масла в огонь: царя в живых нет, иноземцы посадили его в бочку да кинули в море, а на московском троне ныне сидит самозванец, а то и сам Антихрист» (Р. Масси). Но соседнее Яицкое Войско бунт не поддержало – оно совместно с царскими войсками воевало с башкирами. Несмотря на притеснения, не поддержал Астраханское восстание и возглавляемый приверженцами Москвы Дон. Здесь на Кругу подтвердили верность Петру и выслали против астраханцев отряд Максима Фролова и Василия Поздеева. Они заняли взбунтовавшийся Царицын и, казнив сто зачинщиков, вынудили сдать повстанцев в Чёрном Яру. Восстание было локализовано, и подошедшее войско Шереметева окончательно подавило его. Пётр наградил своих донских приверженцев очень щедро. Прислал «честные клейноды» – знамя, бунчук, серебряный атаманский пернач, 6 станичных знамён. Выдал огромное жалованье, на которое казаки заложили каменный собор в Черкасске. За доблесть под Азовом и в Лифляндии никогда таких наград не было, а за рейд против астраханцев – пожалуйста!

А между тем самим казакам на Дону приходилось очень несладко. Донское казачье население насчитывало 60.000 человек обоего пола. Из них 10.000 находилось в армии. А оставшимся требовалось выполнять свалившиеся на них дополнительные обязанности, то есть обеспечивать себя и ушедших на фронт. И враги этим не преминули воспользоваться. Осенью 1705 года, когда казаки, остававшиеся на Дону, вышли на облавные охоты, на их городки напали кубанские татары. Погромили, пожгли. И казакам со звериных ловов пришлось бросаться в погоню. К счастью, удалось настичнуть врагов, отбить людей, угоняемых в полон, и уведённый был скот.

* * *

Население Нижнего Дона к этому времени уже изживало исключительно боевые черты, которыми прославилось казачество. В процессе социально-экономической эволюции воины обращались в домовитых хозяев. Многие из них теперь строили своё благосостояние

не на сомнительных прибылях военной добычи, а на деловых расчётах, на непрерывном труде хозяина-скотовода. Именно таким постепенно становилось первоначальное население края.

Недавно ещё большая часть верховых была служилыми людьми московского государя. Теперь же, когда границы Московии отодвинулись далеко на запад и на юг, им, в качестве безработных воинов пограничья, пришлось познать московские общественные отношения во всех подробностях. Убегая от голода и закабаления, они стали прибывать на Дон с семьями, одиночками и целыми станичными общинами. Озлоблённые бескормидцей, тяжёлой эксплуатацией их труда, церковными и социальными реформами, унижениями со стороны «начальных людей», верховые казаки стали самыми преданными сторонниками Булавина.

Казаки-старожилы основали Казачью Республику в условиях непрерывной борьбы с турками и почти непрерывного союза с Московией. Они проживали далеко от её границ, никогда не имели с ней близких связей и о печальной судьбе её рядового населения знали только понаслышке. Они заключали договоры с московскими государями и хотели верить, что слово представителей христианской династии не пустой звук. Что отношения с царями, в худшем случае, могут вылиться в формы своеобразной персональной унии: где-то «на высокой Москве» – общий с русскими монарх, а на Дону – вольная воля, жизнь по древнему обыкновению, «как деды и отцы положили». Они хотели мира без постоянных тревог и видели в «новоприходцах» только лишние хлопоты и осложнения. Они относились к верховым казакам свысока, потому что многие из них не спешили в своё время возвратиться на родной Дон, а приходили на его берега, только потерявши службу на московских «украинах». Они считали себя выше их не потому, что были богаче их, «голутвенных», а потому, что одни, без них, освоили после татар казачьи земли кровью своих отцов, их вековыми боевыми трудами.

Вместе с тем, низовые видели в них братьев по крови, своих казаков, войсковые Круги не препятствовали «новоприходцам» основывать поселения и выделяли под их юрты свободные земли. Им всем, в равной степени, не нравились попытки Москвы наложить руку на донские дела, но пока что бесцеремонные действия русских воевод касались больше жителей Северского Донца, Верхнего Дона и его «запольных» притоков, не доходя столь явно до Донского Низа.

* * *

Показателем складывающихся новых отношений донцов с Москвой может служить следующий факт. В сентябре 1705 года станичный атаман Савва Кочетов, будучи в Москве, говорил униженно боярам: «Мы взысканы паче всех подданных, до нас не коснулся государев указ о платье и о бородах; мы живём по древнему обычаю, всякий одевается как ему угодно: один черкесом, другой по-калмыцки, иной в русское платье старого покроя, и мы не насмехаемся друг над другом. Немецкаго же платья у нас никто не носит и охоты к нему вовсе не имеем; если же угодно будет государю заставить нас носить немецкое платье, то мы противиться тому не будем». Но, как выяснилось позже, далеко не все казаки ещё были настолько раболепны перед московской властью.

В феврале 1706 года последовал новый запретительный указ: казакам под страхом каторги и конфискации имущества воспрещалось занимать «пустопорожние» земли в верховьях Дона. Одновременно на эти земли стали в массовом порядке селить государственных крепостных крестьян – «пустопорожность» этих земель не мешала, конечно, их долговременной аренде русскими помещиками.

Все земельные конфликты, возникающие на пограничных рубежах Войска Донского, российская администрация никогда не разрешала в пользу казаков. В тех случаях, когда у великорусских претендентов на казацкие земли, в основном у монастырей и помещиков, не оказывалось де-юре никаких прав на удовлетворение своих исков, власть реализовывала подлинно «соломоново решение» – конфисковывала спорные владения и отписывала их «на государя».

Весной 1706 года царь послал на Дон грамоту, жалованье и много различных даров. Перечисляя подвиги казаков и службы ему и прежним царям, Пётр I не преминул указать заслуги Войска в подавлении старообрядческого мятежа, за выдачу зачинщиков Москве, за приведение к крестному целованию заблудших и за смертные казни упорствующих. Царская грамота и жалованные клейноды были приняты центральным войсковым правительством (атаманом и старшинами) с великим торжеством. Верховцы же хранили подозрительное молчание. На Донце было беспокойно.

Казачья медлила с выполнением приказа о снесении правобережных городков и настаивала на оставлении в неприкосновенности Нового Айдара, Беленского, Закотного, Кабанья и других. Издавая оскорбительные для Войска распоряжения, царь в то же время просил казаков служить ему «с великим радением», следить за движением и намерениями турок и татар, оберегать построенные в устьях Дона крепости, ладить с калмыками.

* * *

В 1705 году 34-летний Кондратий Афанасьевич Булавин занимал пост атамана Бахмутского городка и выступал в обороне казачьих прав на местные соляные промыслы, которыми донские казаки владели исстари, и которые теперь царь пожаловал Изюмскому Слободскому полку, а точнее – его командиру Ф. В. Шидловскому. В результате этого «пожалования» начались вооружённые столкновения между старыми хозяевами и новыми претендентами.

Наказный полковник Изюмского полка Шуст вооружил всех подчинённых ему слободских казаков и обложил Бахмутский городок, но, узнав, что за Булавина встали все соседние городки, поспешил уйти. Булавин не оставил этот поступок без отмщения; он перешёл реку Бахмут и уничтожил все бывшие там варницы, забрал соль и продал её на месте. Завладев, таким образом, всеми соляными источниками, Булавин стал со своими казаками вываривать соль, не допуская к тому никого.

По жалобе Шуста из Адмиралтейского приказа для обуздания донских казаков был послан дьяк Горчаков с отрядом солдат. Чтобы примирить враждующие стороны, царь Пётр принял очередное «Соломоново решение»: он приказал Горчакову «отписать» спорные и избыточные соляные прииски на самого себя.

Атаман Бахмутского городка Булавин, человек твёрдого характера, поборник старого казачьего права, несмотря на предписание из Посольского приказа об отобрании всех варниц в казну, в октябре 1705 года с партией казаков разорил все строения и заводы и разогнал всех жителей, занимавшихся вываркой соли близ реки Бахмута, забрав всю казённую и частных лиц соль. Прибывшего Горчакова атаман взял под стражу и донёс Кругу о его прибытии. Приехавшие с Круга старшины освободили дьяка из-под ареста, но на соляные промыслы тоже не допустили. За казачье право на выварку соли вступился весь войсковой Круг, и Горчаков должен был возвратиться в Воронеж без выполнения возложенных на него поручений. Сопrotивление требованиям могущественного соседа – Московии – сулило много бед, но блюстители древних казачьих прав не пожелали смириться перед столь откровенно и враждебно высказываемой силой. В Булавине они признали своего предводителя.

Однако изюмцы во главе с Шидловским не унимались. В феврале 1706 года они забрали в свои руки селитряные заводы, бывшие во владении Ахтырского полка и находившиеся частью на донских войсковых землях.

Не теряя времени, Булавин снёсся с Астраханью, Запорожьём и Тереком, заручился обещанием тамошних казаков поддержать донцов в случае нужды. Вообще, угрозу, надвигавшуюся с севера уже полстолетия, видели все казаки. Все хотели избежать закабаления вольных казачьих республик, но не все верили в успешность вооружённого сопротивления Москве. Партия верховых казаков и «новоприходцев» готова была биться и оказывать отчаянное сопротивление силе, наступающей с севера, а партия низовых, уже традиционно, стояла за соглашения и уступки.

Для обуздания бахмутских казаков атамана Булавина в июле 1706 года на Дон был командирован стольник Шеншин.

II. Гетманщина

Решающий момент в отношениях Москвы и украинского казачества наступил в период гетманского правления Ивана Мазепы – одного из самых выдающихся и самых противоречивых политических деятелей Казацкого государства. В. Ф. Остафийчук писал: «Его любили и ненавидели, уважали и боялись, ценили и остерегались, прославляли и гнали о его делах».

«Гетман его царского величества Войска Запорожского» И. С. Мазепа управлял от имени царя присоединённой к России Гетманщиной в качестве полномочного наместника. Официально он выступал блюстителем интересов русского царя и днепровских казаков – того народа, из которого происходил сам, и который, по его мнению, завоевал право на эту землю своей кровью. Под протекторатом московского трона гетман правил, как удельный владыка. Он окружил себя заслуженными и покорными старшинами, которым раздавал крупные имения вместе с населением сёл и слобод. Но массы казачьи от его бессменного правления не приобрели никаких выгод, хотя в общественной структуре Гетманщины, создавшейся задолго до него, все казаки должны были бы занять место изгнанной польской шляхты – полноправного и главенствующего в крае народа. Гетманщина строилась по образцам аристократической республики Речи Посполитой, но её полноправные граждане – казаки – не могли теперь сменить гетмана прежним выборным порядком: за ним стоял царь.

Ещё меньше, чем о рядовой казачьей массе, гетман Мазепа беспокоился об интересах украинских и литвинских крестьян. Как и прежде, они не приобрели гражданских прав и оставались на положении полузакрепощённых «подданных» под властью новых старшинских панов. Попав сюда по воле польских магнатов, они уже сто лет составляли многочисленное население сёл и слобод, часто жили сообща с казаками и рождались с ними. Но, несмотря на то, что между ними назревали отчётливые процессы слияния, а основная речь казаков всё более удалялась от форм, господствовавших в Великом княжестве Литовском и приобретала звучание украинской, взаимной связи между теми и другими не нарождалось. Днепровские казаки признавали в украинцах и литвинах людей «иного рода» и относились к ним не ближе, чем донцы к своим иногородним.

* * *

Как кандидат в единые гетманы обоих берегов Днепра, правобережный атаман Семён Палий для Мазепы был более чем реальной угрозой. Он опирался на рядовых казаков, на крестьян, которых «переводил в казаки», на мешан, был тесно связан с православным духовенством и финансово поддерживал его. Коронный гетман польской короны Потоцкий предупреждал шляхту, что «Палий пытается идти следами Хмельницкого и зажигает факел холопской войны».

И Семён Палий действительно зажгёт этот факел – на Правобережье началось антипольское восстание. Незадолго перед этим польский Сейм вынес решение об уничтожении казачества – польская элита почему-то любила по несколько раз «наступать на одни и те же грабли». Правобережным полковникам приказали распустить казаков. Когда чиновники польского польного гетмана Яблоновского явились в Фастов с этим приказом, Семён Палий отказался его выполнять. «Я поселился в вольной Украине, и Речи Посполитой нет никакого дела до этого края. Только я, настоящий казак и вождь казацкого народа, имею право командовать тут» – ответил послам атаман. Началась новая война.

В сентябре 1700 года казаки Палия разгромили пятитысячную польскую армию, пытавшуюся осадить Фастов. Палий создавал армию казаков Правобережья, советовался с запорожцами, посылал гонцов на Левобережье. По всему правому берегу Днепра начались кре-

стьянские восстания. Палия полностью поддержал и «назначенный-выбранный» поляками гетман С. Самусь.

Казаки Палия и Самуся двинулись на Белую Церковь, польскую опору на правом берегу Днепра. Разбив польский арьергард под Бердичевом, казаки за неделю взяли Белую Церковь, потом Немиров. Уже началась Северная русско-шведская война – на территорию Речи Посполитой вошёл с армией шведский король Карл XII, преследуя саксонского курфюрста и выборного польского короля Августа, союзника Петра I, который дважды вызывал к себе полки Ивана Мазепы.

Весной 1704 года 50.000 казаков Мазепы перешли на правый берег Днепра. Задача, поставленная гетману Петром I, была дополнена самим Мазепой, решившим присоединить Правобережье к своей Гетманщине. Мазепа быстро занял Киевщину и Волынь и устроил штаб-квартиру в Бердичеве. Ему необходимо было бы для успеха договориться и объединиться с народным героем Палием, но Мазепа этого не сделал, совершив стратегическую ошибку, – именно такие ошибки меняют судьбы правителей и государств.

Гетман-аристократ и полковник-демократ не объединились – люди Мазепы арестовали Палия, который был отправлен в Батурин, оттуда в Москву, а затем выслан в Сибирь. Иван Мазепа, не веривший в опору на простых казаков, на народ, за четыре года до Полтавской битвы сделал очень много для того, чтобы её проиграть. Гетман стремительно терял доверие казачества, а Семён Палий стал героем поэм и романов, народных песен и баллад.

В условиях Северной войны и полной реорганизации российской армии Пётр I требовал от днепровских казаков биться за интересы России со шведами в Ливонии, Литве, Центральной Польше – потери казацких полков в боях с лучшей европейской армией доходили до 70% личного состава. Пётр I ставил во главе казаков немецких и русских командиров, часто использовавших казаков как пушечное мясо. Впрочем, так относились «птенцы гнезда Петрова» ко всем солдатам.

К 1706 году Россия осталась без союзников, разбитых Карлом XII. Мазепа получил приказ строить укрепления на Днепре. Сами московские войска строили новую крепость в Киеве, местное население нищало, отдавая на нужды Северной войны продовольствие, фураж, коней, скот.

И вот до гетмана дошёл слух о том, что Пётр собирается «отменить казачество» и отдать Украину князю А. Меншикову. Казацкие полковники Горленко и Апостол писали Мазепе: «Все мы за душу Хмельницкого Бога молим, за то, чтобы он вызволил Украину из-под польского ярма, а твою душу и кости дети наши проклянут, если ты оставишь казаков в такой неволе».

III. Казаки Сибири

Очень наглядно политика «большевика на троне» – Петра I – в отношении казачества проявилась в малолюдном Забайкалье, где его этническим экспериментам некому было сопротивляться. В Сибири, где ещё буквально несколько лет назад правительством России проводилась политика, направленная на ограждение и сохранение этнической самобытности казачества, теперь велась совершенно иная, противоположная линия – на растворение и ассимиляцию немногочисленных казаков в море окружающих их этносов.

29 августа 1689 года полномочным послом Ф. А. Головиным был заключён Нерчинский договор с китайцами, определивший границу Забайкалья. К концу века определилась и граница с Монголией. От освоения новых земель казаки переходят к охране русских государственных рубежей. Одновременно им приходилось заниматься сельскохозяйственным освоением забайкальской земли. Таким образом, начинал складываться особый казачий уклад жизни казаков, ставших сибирскими воинами-пограничниками и землепашцами одновре-

менно. Казаки представляли особый пласт общества с собственными традициями в материальной и духовной культуре. Однако этому вскоре пришёл конец.

В феврале 1690 года Ф. А. Головин, покидая Забайкалье, оставил в Удинске 835 служилых людей. Указ об увеличении гарнизона Удинска до 1.000 человек он получил ещё в начале августа 1689 года, но исполнить его «за малолюдством в даурских и байкальских острогах» смог лишь частично. Так, бывшие с ним набранные в Сибири 2 полка были обращены в казацкую службу в Нерчинск, Селенгинск и Удинск.

Отметим, что ещё почти за два десятилетия до подавления Булавинского восстания на Дону, после которого у Петра I оказались полностью развязаны руки в отношении казачества, царь уже приступил к политике, направленной на массивированное размывание этнической составляющей казаков. Так что те, кто заявляет, что не будь Булавина, не было бы и террора в отношении казаков, просто не хотят считаться с фактами. Наиболее успешно царские этнические эксперименты над казаками могли тогда проходить в отдалённых местах царства, с редким казачьим населением – в Сибири. И они проходили. Потому-то сибирское казачество уже в конце XVII века, ещё до официального превращения народа в сословие, стало всё более и более включать в свой состав не только русских крестьян, но и бурятов, тунгусов, якутов... Бесцеремонно обращаясь с традиционной верой населения Руси (во время Северной войны Пётр приказал снимать в монастырях колокола и переплавить их в пушки), ещё менее «большевик на троне» считал нужным считаться со статусом казаков в качестве народа «воинов Христовых». После его правления отличительной особенностью забайкальских казаков стало то, что наряду с православием часть из них (преимущественно бурятского происхождения) исповедовала ламаизм.

До конца XVII века отряды казаков в Забайкалье формировались из присылавшихся на временную службу из других регионов Сибири (преимущественно из Енисейска) казачьих «годовальщиков», а также из привлекавшихся к «государевой службе» «гулящих» и «промышленных» людей. В начале XVIII века было решено набирать на казачью службу представителей неподатного сословия, то есть служилых людей, крещёных («новокрещёнов») бурят и эвенков, а иногда русских крестьян и посадских.

После подписания Нерчинского договора Удинский острог стал прикрывать от наступлений кочевников с юга и запада долину реки Уды, по которой пролегал главный путь в Нерчинский край. В конце XVII – начале XVIII веков этот путь шёл по Ангаре, Байкалу, Селенге до Удинска, далее – по реке Уда до Еравнинских озёр, оттуда по рекам Читинке и Шилке в город Нерчинск, который в начале был центром торговли с Китаем. Удинск стал главным местом хранения товаров и формирования караванов, отправлявшихся в Нерчинск.

В 1692 году отряд казаков и служилых людей полковника Многогрешного разгромил боевые отряды Тубинского княжества на реке Тубе.

В 1697 году казаки ставят острог на реке Абакан, на Заячьем острове. В начале XVIII века в Забайкалье появляются первые пограничные караулы, в которых казаки несли службу по охране границы Российской империи. Первоначально было создано 25 караулов вдоль границы, тянувшейся на две тысячи вёрст, с промежутками от 100 до 200 вёрст между ними.

В 1697 году Владимир Атласов с отрядом из 60 казаков организовал экспедицию из Анадырского острога на Камчатку. Поход был трудным, с боями. Но отряд добрался до реки Камчатки, поставил несколько острогов и объясачил местные племена.

В 1704 году пятидесятник Василий Колесов совершил с Камчатки плавание на Курилы, приведя их «под государеву руку». Но сохранялись и старые проблемы: на Южную Сибирь не прекращались набеги казахов, в верховья Енисея вторгались восточные калмыки и их союзники.

* * *

Татарское служилое сословие «йомышлы» благодаря Петру I так же, как и буряты в среде казаков-забайкальцев, стало одним из весомых компонентов многонационального и пёстрого по своему происхождению и составу сибирского казачества. Несмотря на своё достаточно обособленное положение в системе сибирского служилого сословия, оно переживало в развитии и формировании те же этапы, что и в целом сибирское казачество. Эти этапы были связаны с общим ходом исторических событий и укреплением центральной власти в Сибири, стремящейся к интеграции казачества в государственную систему Российской империи.

Определяющим моментом в нивелировании прежней ханской элиты Сибири явилось уравнивание её в правах с русским служилым населением и официальное включение в казачий состав. Тобольский татарский «казачий» полк был сформирован в 1700 году и просуществовал до 1869 года. С самого основания полка головой всех служилых татар был назначен Авазбакей Кульмаметев, возглавивший именитую династию татарских голов. Активная политика клана Кульмаметевых, стремящихся сосредоточить всю власть над татарским населением в своих руках и устраняющих возможных конкурентов, органично вплеталась в общую политику русского государства. Изначально Кульмаметевы были наделены Петром I огромными правами и полномочиями, но, вероятно, чувствуя скорую утрату своей необходимости в связи с усилением позиций центральной власти в Сибири, Кульмаметевы всеми возможными путями стремились упрочить свои богатства и увеличить земельные владения.

Глава 10. Восстание атамана Булавина и расправа с казаками (октябрь 1706 – апрель 1709 гг.)

*Скажи мне кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?*

*«Песнь о Вещем Олеге»,
слова А. С. Пушкина*

I. Расправа с Доном

Война атамана Кондратия Булавина с империей Петра I стала одной из самых героических и в то же время заведомо обречённых на поражение освободительных эпопей казачьего народа. Военный потенциал даже объединённых казачьих Войск (Запорожского, Донского, Яицкого, Терского) был несопоставим с мощью колоссальной военной машины империи, поставившей себе на службу профессионализм немецких офицеров и неисчерпаемую русскую крестьянскую массу, мобилизованную в рекруты.

Пётр I знал о казачьих настроениях. При этом царь, занятый войной, имел превратные сведения о положении дел на Дону. В 1707 году он показал, что не намерен считаться ни с казачьими правами, ни с казачьими обычаями, ни с договорами своих предков. В июле 1707 года неистовый Пётр I своим именным указом направил на Дон карательный отряд во главе с полковником Юрием Долгоруким с поручением выловить всех «новоприходцев», не проживших там 20-ти лет, с тем, чтобы отправить их на старые места и по новостройкам. Для всех и каждого на Дону стало ясно, что российское правительство перешло к прямому вмешательству во внутренние дела Войска Донского, к насильственному возвращению беглых.

В царскую армию донские казаки выставили 26 полков (около 15 тысяч боеспособных воинов) и потому на Дону оставалось мало казаков, готовых защищать казачьи вольности. Долгорукому предоставлялся полный простор действовать по своему усмотрению.

Драгунский полк Долгорукого в начале сентября 1707 года выступил на Верхний Дон. Вскоре отряд разделился на четыре группы: одна из них под командованием А. Плохова вела розыск от Черкаска до Паншина, другая – капитана Н. С. Тенебекова – по Хопру, третья – капитана С. С. Хворова – по Бузулуку и Медведице. Сам Долгорукий шёл по Северскому Донцу. Царские мытари неистовствовали: при малейшем сомнении любой казак заносился в списки беглых, которых «бивши батогамы жесточе, высылали на Русь».

Войсковой атаман Лукьян Максимов и другие старшины не решились открыто протестовать против такого грубого вторжения. Они позволили Долгорукову пройти по городкам для розыска подданных русского царя. При сыске беглых деятельное участие принимал старшина Ефрем Петров, посланный в помощь Долгорукому войсковым атаманом и старшинами, преданными Москве. Князь в короткое время разорил и сжёг многие казачьи городки, заковал в цепи только в 8 казачьих юртах до 3 тысяч беглых и малороссийских черкасов, бывших раньше свободными. В том числе многих старожилков, принятых в казачьи общины и ходивших с казаками во многие походы, он отправил под стражей в Россию.

Уверенные в своих силах, и сам князь, и его подчинённые стали наводить на Дону новые московские порядки. В письме на Кубань казаки жаловались пребывавшим там своим старообрядцам: «Стали было бороды и усы брить, так и веру христианскую переменять [...]. И как он,

князь со старшинами, для розыску и высылки русских людей поехали по Дону, и по всем рекам послали от себя начальных людей, а сам он, князь с нашим старшиною, с Ефремом Петровым с товарищи, многолюдством поехали по Северскому Донцу, по городкам, и они, князь со старшинами, будучи в городках, и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали и многие станицы огнём выжгли, также женска полу и девичья брали к себе для блудного помышления на постели и часовни все со святыней выжгли».

Весть о таких действиях князя быстро облетела весь Дон и отозвалась в донских полках, бывших в русской армии. Чаша терпения в казачестве переполнилась. «То ли мы заслужили у царя-батюшки?», – грустно кивали седыми головами закалённые в боях старики. Молодые точили дедовские шашки и лили пули. Хопёр и Медведица от гнева дрожали.

Атаман Бахмутского городка Кондратий Афанасьевич Булавин, уроженец станицы Трёхизбянской, бросился туда. Здесь он встретился с атаманом Есауловской станицы Игнатием Некрасовым. Карательное поведение русского воинства вызвало всеобщее возмущение на Дону. В первых числах октября 1707 года более 250 казацких старшин и казаков собрались в Ореховом Буераке в трёх верстах от Новоайдарского городка. Они собрались сюда по призыву атамана Булавина. «Общий для всех рек Войсковой Совет» решил обороняться, защитить честь казачью и убить Долгорукова.

В ночь на 9 октября 1707 года булавинцы напали на отряд Долгорукого, находившийся на постое в станице Шульгинской на реке Айдаре, притоке Северского Донца. Полковник, как казаки и запланировали, был убит, «многих солдат и казаков скурвых (предавшихся Москве) побили до смерти». Казацкие старшины из Черкаска Петров и Саламата, бывшие в отряде Долгорукого на положении титулованных коллаборационистов, – «в одних рубашках, выскоча, едва ушли».

Почти поголовно были истреблены и другие карательные отряды, переписывавшие «беглых холопей» по Дону, Хопру, Медведице и Бузулуку. Важно отметить, что выступление Булавина сразу же приобрело характер национального восстания: казаки с особой беспощадностью расправлялись с теми казацкими коллаборационистами, которых подозревали в потворстве москвитам. Так были убиты войсковые старшины И. Кваша, В. Иванов, Ф. Сафонов, станичные атаманы Ф. Дмитриев и П. Никифоров.

События в станице Шульгинской, последующее истребление царских карателей повсюду всколыхнули донское казачество: равнодушных не было, все понимали, что «сию конфузию» кровожадный русский царь просто так не простит.

Однако действия булавинцев неоднозначно были восприняты на Нижнем Дону в среде богатой промосковской старшины, контролировавшей политические настроения в Черкасске, столице Войска Донского. Немногие старые атаманы, такие, например, как Иван Зерщиков, почти открыто радовались успехам Булавина. Последовательные сторонники тесного союза с Россией – А. Савельев, Н. Саламата, И. Машлыченко и другие, напротив, всячески агитировали против повстанцев. Войсковой атаман Лукьян Максимов, хотя и тщетно, в своих грамотах старался уверить восставших в пагубности затеянного Булавиным дела.

В конечном счёте, политическая позиция коллаборационистов победила. Крупные центры казачества – Закотный городок, Осинава Лука, Старый Айдар, Кобанский городок, Краснянская станица – отказались от поддержки булавинцев. Азовский губернатор И. А. Толстой сообщил Петру I: «А из казацких городков, которые по реке Дону, при нём, Булавине, нет ни одного человека».

Атаман Кондратий Афанасьевич Булавин

Однако на самом деле у Булавина было уже до 20 тысяч преданных ему людей. Он намеревался уже идти на Москву. Брожение быстро пронеслось по всем городам тогдашней Южной России. Все знали, что боярам, приказным и сборщикам податей пощады не будет. В Тамбовском и Козловском уездах и близ Тулы мятежные шайки жгли деревни и принуждали жителей к восстанию.

Под нажимом «промосковской партии» войсковой атаман Лукьян Максимов стал действовать решительнее. Малый Круг старшины в Черкасках поручил Максиму «примучить» булавинцев, не дожидаясь прихода на Дон регулярных российских войск. Низовые казаки, «прикормленники» центральной власти на Дону, стали на сторону войскового атамана. Атаманское войско 18 октября 1707 года настигло повстанческий отряд Булавина на реке Айдар близ Закотненского городка. Произошёл жаркий бой с применением артиллерии. Атаманское войско, как лучше вооружённое и дисциплинированное, одержало верх над булавинцами. С немногими сторонниками Булавину удалось скрыться от преследования в близлежащем лесу. С повстанцами, взятыми в плен, по приказу атамана Максимова поступили жёстко: десять человек, есаулов и сотников, повесили по деревьям за ноги, 130 повстанцам «носы резали»,

а остальных «кого де захватили, послали в иные украинные городы». Часть пленных вместе со старшиной Ефремом Петровым отослали в Москву, где они и были казнены.

Донская старшина поспешила заверить петровскую администрацию, что «воровство Кондрата Булавина они искоренили и почело быть во всех казацких городках смирно».

Москва отреагировала привычным методом: «за верные службы» старшине и низовым казакам выдали крупное денежное жалование – 10.000 рублей (русский конь в то время стоил 2 рубля, крымско-татарский – около 10). Особое вознаграждение в размере 200 рублей получил калмыцкий князёк Батыр, отряд которого принял самое деятельное участие в финальном бое с булавинцами.

* * *

Царь считал этот мятеж уже оконченным и стал следить за движением шведской армии, быстро перешедшей в конце этого года Вислу и двинувшейся на Гродно. Пётр едва успел убежать от неё в Вильну.

Но не таков был Булавин. Оставив на Дону своих приверженцев формировать настоящую армию, в конце ноября 1707 года он с ближними соратниками прибыл в Запорожскую Сечь. Атаман попытался учсть крупнейшую политическую ошибку Степана Разина, который начал масштабную войну с Московией, не заручившись прямой военной поддержкой запорожцев.

20 декабря 1707 года на Сечи была созвана Рада. Запорожцам зачитали письмо Булавина, в котором он просил сечевиков присоединиться «к возмущению бунта в великороссийских городах». Одновременно атаман просил содействия Сечи в официальном запросе к крымскому хану «о вспоможении войска для разорения великороссийских городов».

Предлагался, таким образом, потенциально очень мощный военно-политический пакт, который объединял бы против петровской России Войско Донское, Запорожскую Сечь и Крымское ханство, вассала Оттоманской империи. Если бы этот пакт из благопожелания стал реальностью, а объединённое войско казацко-татарской коалиции вторглось бы в Россию, то результат «неистовых петровских реформ», и были бы они вообще, никто не сможет спрогнозировать.

Булавинский призыв нашёл категорическую поддержку у массы рядовых запорожцев, но очень настороженное отношение казацкой старшины, связанной тесными узами с гетманом Мазепой, в то время верного союзника Петра I. На Раде присутствовали и представители царской администрации, по просьбе которых кошевой атаман Запорожья Тарас Финенко зачитал грамоту с требованием Петра I выдать «донского бунтовщика».

Запорожцы с негодованием отвергли московитские требования: «В Войску Запорожском никогда такого не бывало, дабы таковых людей, бунтовщиков или разбойников, выдавано было».

Воинский пыл запорожцев, столь жгуче горячий в конце XVI века, успел, однако, сильно подостыть к концу века XVII: кошевому Финенко в итоге удалось убедить запорожцев подождать с окончательным решением вопроса о походе в Россию до весны – «когда дороги подсохнут».

Но сторонники Булавина в среде сечевиков не смирились с этим решением и в феврале 1708 года добились созыва новой Рады. На ней с атаманства был снят кошевой Финенко. «Товариство», выслушав доводы Булавина, дало позволение всем желающим идти с ним. Вместе с тем официально Запорожская Сечь в войну с петровской Россией не вступила. От требования царя поймать Булавина и выдать его ему, гетман Мазепа, будучи и сам не уверен, на чьей стороне будет перевес, на стороне ли царя или короля Карла, под благовидным предлогом уклонился и пропустил Булавина с запорожскими и многими днепровскими казаками обратно на Дон.

В марте 1708 года Кондратий Булавин прибыл в Пристанский городок на Хопре. С ним вместе пришло 1.500 днепровских казаков. Из станицы Пристанской Булавин разослал призыв

к «старым лучшим казакам» собраться к нему на Круг: «Ведаете сами, молодцы, – писал он, – как деды ваши и отцы положили и в чём вы породились; прежде сего Старое Поле крепко было и держалось, а ныне же злые люди Старое Поле перевели и ни во что почли и чтоб вам Старое Поле не истерять. А мне, Булавину, запорожские казаки слово дали и Белгородская орда и иные орды, чтоб быть с вами заодно. А буде кто или которая станица тому войсковому письму будут противны, пополам верстаться не станут или кто в десятки не поверстается и тому казаку будет смертная казнь».

В Пристанский городок съехались видные вожди казацких повстанцев: полковники Леонтий Хохлач, Игнат Некрасов, Никита Голый и другие, которые в его отсутствие сорганизовали значительную армию, в которой было немало и русских беглецов. Прибыл и главный военный предводитель восставших, атаман Семён Дранный, полководческие качества которого враги оценивали куда выше военного таланта самого Булавина. На состоявшемся Круге было принято решение идти вначале на Черкасск «для истребления скурвых старшин», которые «продали реку». Называлась и сумма сделки царской администрации с войсковым атаманом Лукьяном Максимовым – 7.000 рублей – за удержание казаков Нижнего Дона от поддержки Булавина.

Боясь за крепости Азов и Троицкую, царь сам порывался стать во главе войск против Булавина, чтобы «истребить сей огонь и себя от таких оглядок вольными в сей (шведской) войне учинить», но присутствие его в армии становилось день ото дня необходимей. К счастью Петра, события на Дону развернулись скорей, чем он ожидал.

Со всеми наличными силами повстанцы двинулись с верховьев Дона и Медведицы к Черкасску. Главным предводителем был избран Булавин.

Вождь «промосковской» партии атаман Максимов, в свою очередь, не дремал. Отмобилизовав низовых казаков, он соединился с русским отрядом полковника Васильева из Азова и конным корпусом калмыков. 9 апреля 1708 года выше Паншина городка на реке Лисковатке войско повстанцев сошлось с войском Максимова.

«И со всех рек казаки к нему съезжались, – сообщалось на Кубань, – и пошли с ним, с Кондратием Афанасьевичем и всем походным войском к Черкасскому. [...] И он, Лукьян Максимов да Ефрем Петров с единомышленными своими с казаками и калмыки, прослыша о том, что идут всеми реками под Черкасской, из Черкасского пошли воинским поведением с пушки и с наряды и встретили ево, Кондратия Афанасьевича с походным войском, в степи на крымской стороне против Перекопной на Дону станицы, в Лискиных вершинах, хотели ево, Кондратия Афанасьевича с походным войском, разбить».

На речках Голубой и Лисковатке 9 апреля произошёл бой между верховыми и низовыми казаками – сторонниками Москвы и войскового атамана. Низовыми командовал сам Лукьян Максимов, имея в своём распоряжении всего около 5 тысяч, в том числе азовский конный полк и несколько сот калмыков. Азовский губернатор Толстой снабдил его хорошей артиллерией. Но скоротечный бой закончился... переходом большей части низовых казаков на сторону Булавина, захватом «4 пушек, пороховой казны и свинца, а также денежной казны 8.000 рублей». Лукьян Максимов со своими сторонниками бежал.

* * *

Царь не только не хотел признать казачьих прав, но даже запретил говорить о них, при этом зорко наблюдая за событиями на Дону. Личный именной указ Петра I от 12 апреля 1708 года давал князю Василию Долгорукому, которому поручалось задавить восстание казаков, все полномочия на осуществление, говоря современным языком, любых преступлений против человечности. Даже с учётом известного изуверства первого российского императора, на 300 лет предвосхитившего будущие зверства большевиков Ленина-Троцкого, кровь стынет в жилах при чтении этого указа: «...все казачьи городки по Донцу, Медведице, Хопру, Бузулуку и Иловле сжечь и разорить до основания [...] Ходить по тем городкам казацким и дерев-

ням, которые пристанут к воровству, и оныя жець без остатку, а людей рубить, а заводчиков – на колёсы и колья...». Царь напомнил при этом князю, что и против Разина сражался тоже Долгорукий и с успехом. Письмо Петра заканчивалось словами, что «сия сарынь (здесь: сброд, нелюди), кроме жестокости, не может быть унята».

* * *

В это время Булавин свободно двинулся к Черкасску. Одна часть войск повстанцев шла к столице Дона большим шляхом, по правой стороне реки, другая плыла на судах. 28 апреля 1708 года донская столица была взята в осаду булавинцами. Черкасск являлся хорошо укреплённой крепостью, имел на стенах более четырёх десятков пушек. Однако оборонять город оказалось некому. Нижележащие станицы присоединились к Булавину, исключая Донецкую (на Бугучаре), Казанскую, Усть-Медведицкую, Правоторовскую и Бурацкую. Станицы от Нижне-Курмоярской до Черкаска колебались. Потом многие из них под влиянием убеждений стали за старую свободу казачества, а также под насилием и угрозами присоединились к общему движению. Словом, за Булавина встал почти весь Дон, до 99 станиц.

Два дня продолжалась осада Черкаска. Хорошо укреплённый и оборудованный артиллерией город взять приступом было рискованно. Булавин пошёл на хитрость: жители станиц Рыковских, расположенных за чертой города и перешедших на сторону осаждающих, ночью подошли, по общему уговору, к воротам крепости и стали умолять спасти их будто бы от жестокостей Булавина. Им отворили ворота, а вместе с ними в город вошли и булавинцы. 1-го мая гарнизон казачьей столицы перешёл на сторону восставших. Главари промосковской партии попали в плен. Гарнизон не защищался, так как станицы Тютюревская и Скородумовская немедленно, 6 мая, собрали Войсковой Круг.

Этот Круг, многолюдный, ещё небывалый на Дону, из представителей 110 станиц, считая 11 черкасских, провозгласил Кондратия Булавина войсковым атаманом. Также были избраны и другие старшины. По решению Войскового Круга прежнего атамана Максимова, а также четырёх старшин, последовательных сторонников русификации Дона – А. Савельева, Е. Петрова, Н. Саламата, И. Машлыченко – казнили. Число казнённых старшин более низкого войскового ранга было, видимо, значительно больше. В документе царской канцелярии отмечается: «И иным многим казакам головы рубили и в воду сажали, а за то они де, что, помня крестное целование русскому царю, с ними, с ворами, в злой совет не пошли». Многие из старшин и домовитых казаков, в том числе сын бывшего любимца Петра I – Фрола Минаева, Василий Фролов, укрылись в Азове.

«Пятая колонна» Москвы в донской столице была существенно ослаблена, хотя, разумеется, отнюдь не ликвидирована.

О своём всенародном избрании Булавин от имени войска Донского послал 17 мая грамоту кошевому атаману Запорожской Сечи Костю Гордиенко и всему Войску Запорожскому с просьбой «жить вкупе и друг за друга постоять». В этом письме донской атаман фактически сформулировал идею всенародной освободительной казацкой войны, чтобы «было по-прежнему сильно воинство казацкое, разделённое ныне ляхами и москалями, а между ими, казаками, единомышленное братство». Но Сечь осталась глуха к этому призыву, равно как и терские казаки, получившие аналогичное послание. Впрочем, последние были в военном аспекте маломощны и к тому же очень географически удалены от театра военных действий на Верхнем Дону.

С точки зрения военной стратегии повстанческая армия атамана Булавина была обречена на проигрыш изначально. Предельно милитаризованная петровская Россия очень мало напоминала вяловатую, архаичную, неорганизованную Московию времён царя Алексея Михайловича. Неистовая авторитарная воля Петра I могла бросить против казацких повстанцев колоссальный объём вооружения и многие десятки тысяч жизней безропотной крестьянской рекрутчины.

В оперативном плане положение булавинцев также было незавидным: область Войска Донского находилась в полном окружении. На севере, со стороны Хопра и Верхнего Дона, шла концентрация многочисленных сил карательного корпуса, которым командовали стольник И. Тевяшов и подполковник В. Рыкман. С запада, заручившись лояльностью гетмана Мазепы, подходили главные силы царской армии под командованием князя Долгорукого. На востоке, на Волге, сосредотачивался карательный корпус воеводы князя Хованского и многочисленные конные полчища калмыков, жаждущих грабежа. Даже совсем рядом с Черкасском – в устье Дона – стояли царские гарнизоны в Азове и Троицкой крепости.

Один Дон не мог устоять против всей России. Союзники его, запорожцы, сами дрожавшие перед возрастающим могуществом царя, не могли дать существенной помощи. Границы Донской Земли были открыты и защищать их одними своими силами казаки не могли.

* * *

В конце XVII века старшины и домовитые казаки города Черкаска и низовых станиц во главе с атаманом Корнилой Яковлевым, избравшимся 7 лет сряду, стали брать в управлении войском засилье и, опираясь на царское правительство, решать дела без ведома и согласия верховых городков, противников Москвы. Засилье это ещё более усилилось при атамане Фроле Минаеве, избравшемся непрерывно 20 лет. Этот любимец Петра, опираясь на его указы и силу, со своими сторонниками образовал в Черкасках нечто вроде центрального войскового правительства, именовавшего себя также «Всевеликим Войском Донским». Булавин разметал всё это «московское наваждение» и восстановил старый всенародный Круг.

Но на Дон уже двигалась русская армия в 32 тысячи хорошо вооружённых и обученных солдат. К борьбе с Москвой Дон не был готов не только стратегически, но и психологически. 200 лет всё внимание донских казаков занимал турецкий юг. Помогая московским царям, христианским монархам и своим воображаемым покровителям, на всех фронтах они способствовали расширению их царства и своему полному окружению. Борясь за чужие интересы, они потеряли всех друзей и союзников. Даже единокровный Запорожский Низ не дал Дону много помощи. Казаки Гетманщины и слобожане оказались во враждебном лагере, хотя тоже лелеяли мечты о возврате утерянной независимости.

При этом повстанцы совершили фундаментальную стратегическую ошибку: в наивной надежде не допустить карательные войска московитов на казацкую землю, они разделили свои силы по разным оперативным векторам. Наиболее опытный казацкий полководец Семён Драный пошёл по Северскому Донцу в направлении Изюма – навстречу армии Долгорукого. Атаман И. Некрасов двинулся на север – на прикрытие казацких станиц по Хопру. Атаман Николай Голый повёл казацкие полки на восток – против карательного корпуса Хованского и калмыков. Сам Булавин с частью войск решил обезопасить донскую столицу и захватить Азов. В итоге, желая быть одновременно сильными везде, булавинцы нигде не смогли сконцентрировать достаточно войск для эффективной борьбы с регулярной армией петровской России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.